

Васекин А.С.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, проспект Вернадского 82,
vaseckin.artem@yandex.ru*

Цифровые права как основа цифрового суверенитета личности: международный аспект

Одним из конститутивных элементов цифрового суверенитета личности являются цифровые права. Обеспечение цифровых прав и наличие механизмов по их защите являются значимыми для формирования и развития цифрового суверенитета личности. В докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека отмечено, что «...в своей совокупности «цифровые» права формируют «цифровой суверенитет» личности, в основе которого лежит понимание, что человек не равен «цифровому вектору», то есть набору цифровых коэффициентов, вычисленных цифровыми платформами и помещённых в тот или иной реестр...» [1].

Первое упоминание о цифровых правах связано с Конвенцией о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных, принятой Советом Европы в 1981 году, основной задачей которой была защита права на неприкосновенность частной жизни. Впоследствии были приняты Конвенция о киберпреступности 2001 г., целью которой является борьба с преступностью в киберпространстве, Хартия прав человека и принципов для Интернета 2006 года, которая значительно расширила понятие цифровых прав. В Хартии прав человека доступ к Интернету и киберпространству признаётся правом человека. Хартия подчеркивает, что доступ к Интернету и его использование становятся всё более необходимыми для реализации прав человека, включая право на свободу выражения мнений, право на образование, право на свободу мирных собраний и ассоциаций, право на участие в управлении страной, право на труд и право на отдых и досуг. Особое внимание уделяется законодательству и стандартам конфиденциальности, целостности и доступности, защите виртуальной идентичности, праву на анонимность и использование шифрования и т.д.

Право на доступ к Интернету включает в себя такие аспекты как качество обслуживания, то есть уровень предоставляемых услуг должен развиваться в соответствии с технологическим прогрессом; свободу и возможность выбора систем и программного обеспечения, включающую использование совместимых коммуникационных инфраструктур и совместимых протоколов; обеспечение охвата цифровыми технологиями, то есть возможность использовать разнообразные цифровые средства массовой информации, коммуникационные платформы и устройства для управления и обработки информации.

Еще одним значимым документом в сфере цифровых прав является Резолюция Совета ООН по правам человека «Интернет и права человека», принятая в 2012 году, которая включает пункт «поощрение, защиту и реализацию прав человека в Интернете», но не упоминает Интернет как право.

К цифровым правам личности также можно отнести право на забвение. Существует несколько точек зрения на право на забвение. Так в одних случаях, в зависимости от юрисдикции такое право признается судом, в других отмечается, что истинная информация не может быть удалена. Однако разделяется мнение о том, что концепция права на забвение вызывает серьезные опасения в отношении цифрового суверенитета личности.

Таким образом, обеспечение цифровых прав и наличие механизмов по их защите являются значимыми для формирования и развития цифрового суверенитета личности. Перечень цифровых прав, связанных с киберпространством и Интернетом, постепенно расширяется. Принимаются новые хартии и конвенции и в каждой из них упоминается все больше прав для обеспечения дополнительной защиты цифровому суверенитету личности.

Литература

1. Цифровая трансформация и защита прав человека в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, М. 2021 <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

Каткова Л.В., Мекка О.А.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
laralina@list.ru*

Типы понимания основных правовых ценностей в контексте построения типологии правовой культуры

Исследовательский коллектив кафедры юриспруденции с 2022 г. ведет исследовательскую работу по направлению «Изучение правовой культуры: философско-правовой, институциональный и поведенческий аспекты». Важной задачей в этой работе является выделение типов правовой культуры на основании понимания, истолкования базовых правовых ценностей.

Мы исходим из того, что любое общество представляет собой конкретно-историческое воплощение культуры определенного типа, то есть определенный тип общественно-экономической формации или цивилизации. Основа любой культуры – система норм и ценностей. Вместе с тем, ценностная система не является неизменной, она осваивается личностью, социальными группами в процессе первичной и вторичной социализации, кроме того, подвергается постоянной трансформации, модифицированию, неизбежным результатом чего становится возникновение субкультур. Субкультурные процессы развиваются во всех сферах общественных отношений общества, не является исключением и сфера права.

Правовая культура модифицируется под воздействием экономических, политических, социальных и духовно факторов. При этом следует отметить, что в силу своей природы и тесной связи с политико-идеологической сферой, основные правовые ценности не просто усваиваются в готовом виде, неизбежно видоизменяются в сознании социальных групп. Кроме того, трансформация ценностей инициируется правящими субъектами, заинтересованным в формировании массовой поддержки политического режима со стороны населения. В условиях неразвитого гражданского общества, которое часто характеризуется как плебисцитарная демократия [1] те или иные истолкования правовых ценностей становятся средством управления и манипулирования общественным сознанием. Для авторов вопрос модифицирования правовых ценностей представляет не только теоретический интерес, но и практический, поскольку имеется потребность построения и совершенствования модели эвристического изучения типов правовой культуры населения.

Рассмотрим базовые философско-правовые ценности и возможные их интерпретации. Как правило, в качестве базовых ценностей принято рассматривать равенство, свободу, справедливость. Именно они лежат в основе сложившихся типов правопонимания. [2]

Следует сказать, что названные ценности, получив первичное осмысление уже в древности, прошли длительную идейную «обработку» и в настоящее время мы имеем дело с разными трактовками этих концептов.

Начнем с вариантов истолкования такой ценности, как **равенство**. Эта ценность приобрела особое значение в либеральных политико-правовых теориях, в которых делается акцент на *равенстве в правах* или равенстве перед законом как личностей, так и социальных групп. Исторически данная ценность имела антифеодальный, антисловесный характер, например, Дж. Локк отстаивал принцип равенства перед законом всех граждан, включая лордов и короля. Именно этот смысл вкладывался им в понятие «правовое государство».

Другое истолкование равенства имеет социально-экономический характер. Это уже не чисто формально-правовой аспект, а убежденность в том, что чрезмерных различий в социальном положении людей быть не должно. Стремление к равенству в социальном положении заложено в широком спектре социалистических и коммунистических учений, ставящих цели преодоления классовых различий, достижения более высокой социальной однородности. Очевидно, что формально-правовой аспект здесь отходит на второй план, но не исчезает: право приобретает значение не просто исходного принципа, а инструмента установления справедливости в социально-экономическом плане.

Можно предположить и третий, промежуточный, вариант понимания этой ценности – *равенство в достижении целей*. По-видимому, его можно понять, как некоторую оппозицию первым двум вариантам: это не столько желаемое объективное условие общественного развития или достигнутое установление, сколько индивидуально-личностная установка, формируемая безотносительно к осмыслению объективных условий, имеющая оттенок социального эгоизма.

Следующая базовая ценность – свобода. Данная ценность также получила значительное освещение в литературе и варианты ее истолкования следующие. Во-первых, свобода понимается как *условие самореализации* личностного потенциала, заложенного природой. Такой подход явно присутствует в юснатуралистских теориях. Близки к такой позиции либеральные трактовки права или, по терминологии В.С. Нерсесянца, либертарные. [3]

Наиболее распространенной является трактовка свободы как познанной необходимости, восходящая к Б. Спинозе и воспроизводящаяся в трудах более поздних авторов, таких как Г. Гегель, К. Маркс и др. Понимание свободы как *действия в разумных границах* противостоит различным анархистским, субъективистским и иррационалистическим теориям.

Так же, как и в истолковании равенства, можно найти и третий, промежуточный вариант, имеющий субъективно-личностную окраску: свобода как *отсутствие излишних* (часто субъективно трактуемых) *ограничений*. Здесь уместно сослаться на ставшую классической типологию девиантного поведения Р. Мертона, который выделил «инновацию» как легкую форму отклоняющегося поведения. Представители данного типа характеризуются тем, что, соглашаясь с базовыми ценностями данного общества, они считают недостаточными гарантированные обществом средства деятельности, что выражается, в частности, совершении легких правонарушений. [4]

Наконец, рассмотрим имеющиеся истолкования справедливости. Она истолковывается, во-первых, в эгалитарном смысле. Аристотель в «Никомаховой этике» выделял такую разновидность справедливости, как уравнивающую, характеризующую отношения обмена. Справедливость в этом смысле можно определить, как *равные требования для всех*. Эгалитарную трактовку справедливости отстаивает, например, такой либеральный автор как Д. Ролз.

Противоположная трактовка справедливости также восходит к Аристотелю, выделившему воздающую справедливость. Понимание справедливости как *воздаяния каждому по его заслугам* является наиболее широко распространенным. Такой подход характеризует, например, подданнический (социалистический) тип политической культуры по Г. Алмонду и С. Вербе. [5] Выделим и промежуточный тип понимания справедливости, так же, как и в предыдущих двух случаях имеющий субъективно-личностный оттенок. Таким третьим вариантом является позиция, которую можно определить как *самодостаточность или невмешательство кого-либо в частные дела*.

Таким образом, предположив определенные сочетания социально-личностных трактовок, авторы считают продуктивным выделение следующих идеальных типов правовой культуры:

Проактивный тип. В идеале ему присуще понимание равенства как *равенства в правах*, свободы как *условия самореализации*, справедливости как *равных требований для всех*.

Реактивный тип. Равенство здесь понимается как возможность достижения целей, свобода как отсутствие излишних ограничений, справедливость как невмешательство в личные дела человека.

Адаптированный тип. Равенство как отсутствие существенных социальных различий или *равенство в социальном положении*, свобода как *действие в разумных границах*, справедливость как *воздаяние каждому по его заслугам*.

Выделенные трактовки базовых ценностей могут быть рассмотрены как эмпирические показатели разных типов правовой культуры, а отклонения от показателей «идеальных типов» позволят выделить разные формы переходных, промежуточных типов. Эмпирическое выявление соотношения конкретных типов правовой культуры будет способствовать выработке адекватной стратегии и тактике правового просвещения и воспитания.

Литература

1. Юдин Г. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021 – Т. 20 – № 2. – С. 9–47. EDN JWPOTB.
2. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 580 с.
3. Нерсесянц В.С. Теория права и государства. – М.: Норма, 2001 – С. 18-23.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социс. - 1992. - №3. – С. 104-114.
5. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Полис (Политические исследования). – 1992. – №4.

Орлова А.Н.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, д. 23
hactia1988@mail.ru*

Понимание категории «историческая память»: объективный и субъективный аспект

Историческая память образует неотъемлемый элемент национального самосознания, определяющий главные общественные ценности и принципы жизнедеятельности общества. Конституционное определение концепции исторической памяти развития российского государства формирует потребность и обязанность для России чтить память защитников Отечества, создавать условия для защиты исторической правды и воспрепятствовать любому умалению значимости подвига народа при защите Отечества способствует институционализации в конституционном праве категории историческая память. Внимание к этому феномену – характерная черта современной юридической науки [1].

Ключевым понятием для детального понимания всех аспектов в рамках исследуемого явления можно считать понятие правовой категории. С данным термином в юридической науке принято связывать легалистические абстракции, охватывающие множество многоплановых правовых явлений и процессов, обобщающие и отражающие их суть.

Общетеоретическое осмысление правовых категорий позволяет выделить такие их черты, как абстрагированность, универсальность, обобщенность, объективность, содержательность, системность. Всеми этими качествами обладают и конституционно-правовые категории, их особенностью являются также высокая степень аксиологичности и основополагающий характер, что обусловлено свойствами Конституции как базового политико-правового акта, определяющего отношения между государством, человеком и обществом.

Одним из результатов конституционной реформы 2020 года стала конституционализация общественных отношений, которые либо получили развитие в последние тридцать лет, прошедшие после принятия Конституции РФ, либо были переосмыслены подходы к их оценке. Размышляя о модернизации функций Российской Конституции в период конституционной реформы 2020 года, Г.Н. Комкова отмечает, что «в орбиту правового регулирования на конституционном уровне попали категории и явления, ранее находившиеся за рамками конституционного воздействия».

На актуализацию отношений, связанных с трактовками событий прошлого и началом процесса их конституционализации в качестве новой правовой категории исторической памяти указывает принятие норм конституционного характера, отвечающих на современный общественный запрос на формирование национального образа истории.

Современными исследователями историческая память рассматривается как «важнейший компонент общественного сознания», «особый механизм, обеспечивающий непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению».

Наиболее емкое понятие исторической памяти, на наш взгляд, дано в исследовании Ж.Т. Тощенко, который считает, что историческая память «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [2].

В связи с этим считаем возможным рассматривать историческую память в объективном и субъективном смыслах.

В объективном смысле историческая память – это комплексное структурно определенное знание о событиях и явлениях прошлого, полученное в процессе организации, сохранения и воспроизводства предыдущего опыта народа, страны, государства, сконцентрированного в памятниках материальной и духовной культуры, в документах и материалах различных эпох, хранящихся в архивах, музеях, библиотеках, центрах исторической памяти и исторического наследия.

Процесс структурирования и упорядочения исторического знания происходит в рамках формирования научного и общественного консенсуса в отношении трактовки ключевых событий в истории конкретного общества и государства, что также может включать элементы законодательного закрепления определенных исторических точек зрения и применения правовых методов их охраны от внешних посягательств. Подотчетность субъектов, вовлеченных в формирование и защиту исторической памяти является критическим фактором для любого государства. Эта память не просто набор дат и событий, а сложная конструкция, отражающая идеологическую и ценностную систему страны. Она формируется как результат коллективного самосознания народа, его представления о своем настоящем, прошлом и будущем, и является неотъемлемой частью его идентичности. В Российской Федерации идеология страны не закреплена в Конституции, поэтому в основу ценностно-идеологической политики страны, отраженной в стратегических и правовых документах, ложится Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В субъективном смысле историческая память – это возможность лица или групп лиц, общественных организаций и объединений сохранять, преумножать, передавать и интерпретировать знания о событиях прошлого. Историческая память представляет собой сложную и динамичную структуру, глубоко укорененную в личном опыте каждого человека. Это своеобразный мозаичный портрет прошлого составленный из индивидуальных воспоминаний о значимых исторических событиях, которые лично затронули индивида, его близких, и метафорических образов, сформированных под влиянием рассказов, книг, фильмов и других источников информации.

Процесс их реализации связан с осуществлением ряда субъективных прав граждан, таких как право на свободу убеждений (например, оценки тех или иных исторических событий); на поиск, получение, передачу, производства и распространение информации (например, информации о судьбах родственников и близких, принимавших участие в исторических событиях); право на участие в общественных объединениях (например, поисковых отрядах); право на участие в демонстрациях (например, участие в шествии «Бессмертный полк»), свободы совести, творческой, научной и интеллектуальной деятельности (например, создание произведений на историческую тематику).

В ч. 3 ст. 67.1 получили закрепление нормы, направленные на защиту государственной мемориальной концепции: в частности, устанавливаются обязанности Российской Федерации чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа при защите Отечества. Таким образом, представленная в ст. 67.1 конституционно-правовая концепция национального образа истории России основывается на принципах единства и преемственности и не содержит негативных оценок каких-либо отдельных периодов нашей истории. Она способствует формированию новых обязанностей государства по защите исторической памяти и закрепляет основные механизмы такой защиты.

Историческая память - это более, чем просто знания о событиях прошлого. Это сознание, сосредоточенное на отражении значимости и актуальности информации в тесной связи с

настоящим и будущим. И хотя профессионально написанная история важна для небольшого числа людей, коллективная историческая память представляет собой набор действий и чувств, которые выходят за рамки интересов узкого круга историков. Этот живой опыт помогает нам лучше понять, как детерминация влияет на взаимодействие между человеком и обществом.

Литература

[1] Агафонова К. Категория свободы в конституционном праве России. Сравнительное конституционное обозрение. 2009. С.42

[2] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.

Орлова А.Н.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, д. 23
hactia1988@mail.ru*

Защита исторической памяти как принцип конституционного права

Ориентиры развития общества и государства в целом и конституционного законодательства в частности не могут существовать без ценностных и принципиальных установок, определяющих основы разнообразных сфер человеческого бытия от семьи и воспитания до экономики, права и государственного управления.

Немаловажным представляется контекстуальное сравнение ценности с понятием «принцип».

Н.Абрамов указывает, что понятие «принцип» (от лат. *principium* - основа, первоначало) имеет общее этимологическое значение с терминами "начало", "основание", "воззрение", "закон" и "правило"[1].

Категория «принцип» объясняет в науке различные понятия, явления и процессы. Различные науки используют данное понятие, но его определение нельзя считать неоднозначно. В философии "принцип" рассматривается как фундаментальная конструкция, которая может иметь различные значения, включая "первоначало", "руководящая идея" и "основное правило поведения". Для более полного понимания этой категории необходим комплексный анализ ее сущности. Только таким образом можно преодолеть теоретическую неопределенность, связанную с определением рассматриваемого понятия [4].

В системе принципов каждой страны особое место занимают конституционные ценности. В России конституционные ценности находятся на особом месте, поскольку они закреплены в Конституции, которая имеет высшую юридическую силу, а следовательно, определяющую роль в правовом регулировании всех аспектов жизни общества. Понимание и определение этих ценностей в текущих реалиях представляется необходимым для современной России по нескольким причинам.

С точки зрения П. У. Кузнецова, принципы, устанавливаемые и защищаемые Конституцией РФ, обладают фундаментальным значением для регуляции важнейших сфер жизни общества и государства, в особенности таких свобода, нравственность, неприкосновенность частной жизни и безопасность. В связи с этим ученый полагает, что аксиологический анализ таких ценностей имеет первичную необходимость для правовой науки и отрасли конституционного права [2].

Положения преамбулы Конституции, указывающие на «память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «исторически сложившееся государственное единство», а также «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», свидетельствует о руководящем начале исторической преемственности в действиях законодателя, так как такая преемственность является неотъемлемой частью формирования национально-культурной идентичности, которая в свою очередь охватывается понятием исторической памяти.

Признание статьей 13 идеологического многообразия предоставляет гражданам возможность в реализации субъективных прав в рамках трактовок исторических событий и формирования своей культурной идентичности на индивидуальном и групповом уровнях.

Поскольку статья 16 закрепляет указанные положения в качестве основ конституционного строя, следует сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие прямой интенции, законодатель создает предпосылки для конституционализации исторической памяти в тексте Основного закона.

Совокупное наличие статей, в разных аспектах затрагивающих вопрос субъективной культурной идентичности человека и гражданина в рамках гражданских прав, явным образом указывают на наличие возможности для расширения законодательной базы и практики правоприменения в сфере исторической памяти. Статья 26, закрепляющая право на свободный выбор языка и национальной принадлежности, статья 28, гарантирующая свободу совести и вероисповедания – все эти положения, формирующие собой наиболее важные конституционные ценности правового демократического государства, безусловно могут считаться элементами многогранного явления исторической памяти, также представляющей собой комплексную ценностную установку, затрагивающие разные аспекты социального бытия.

Особого внимания заслуживает упомянутая ранее статья 67.1, поскольку она вносит в общие составные ценностные положения культурный и исторический контекст. Закрепляя в пункте первом преемственность России от СССР, законодатель указывает на особую важность данного исторического периода, что в свою очередь согласуется с третьим пунктом статьи, обозначающем память защитников Отечества и обеспечение защиты исторической правды в качестве важного направления политики государства. В совокупности с законодательной защитой памяти о событиях Великой Отечественной войны, имеющих в себе императивные и ограничительные элементы, можно сделать вывод о том, что законодатель определенно выделяет советский исторический опыт в качестве особо важного для современной российской государственности.

Тем не менее, пункт второй вносит контекстуальный баланс, подкрепляя положения преамбулы об исторически сложившемся государственном единстве, обозначая преемственность в развитии Российского государства на основе непрерывного объединенного тысячелетнего развития.

В качестве немаловажной детали необходимо отметить указание в данном пункте на «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», что в очередной раз устанавливает прямую связь с положениями преамбулы и косвенную связь с нормами, затрагивающими гражданские права, в частности свободу совести и вероисповедания. Религия в качестве важного составляющего элемента культурной идентичности признается законодателем одним из определяющих аспектов ценностного ориентирования исторической памяти в России.

Рассуждая в указанном направлении В. Н. Корнеев высказывает следующую точку зрения: «Россия встала на курс формирования национальной идеологии, базирующейся на духовно-нравственных традиционных ценностях нашего общества, передаваемых от поколения к поколению в своем историческом развитии. Система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа – это аксиологический ориентир для дальнейшего совершенствования системы права России.» [3].

Таким образом, законодатель концептуально воссоздает в анализируемой норме образ истории России, а, как следствие, и направление исторической памяти, как непрерывного гармоничного явления, в котором различные историко-культурные процессы, как комплиментарные, так и противоречащие друг к другу, формируя современный образ истории и памяти и социально-политическую традицию.

Литература

- [1] Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – С. 314
- [2] Кузнецов П. У. Конституционные понятия информационной сферы как ценности методологического порядка. // Российское право: образование, практика, наука. №6. 2017. С. 32.
- [3] Корнев Б.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства. // Правосудие. Т.5. №1. С. 11.
- [4] Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. С. 461

Попова В.В.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
VeraV25@mail.ru*

История создания подразделения ОВД в г. Муроме

МВД России имеет более чем 200-летнюю историю. Официально годом его основания считается 1802 г. однако прообраз органов регулярной полиции существовал еще в 18 веке. Так, в 1718 г. была учреждена должность генерал-полицмейстера, к полномочиям которого относилось исполнение полицейских функций в Петербурге, а в 1733 г. создавались полицейские отделения в городах Российской империи. Примечательно, что из городов Владимирской губернии первым полицейское отделение было открыто в Муроме в 1743 г. Именно этот год считается годом «рождения» муромского отделения органов внутренних дел.

Дальнейшая история развития муромской полиции не всегда складывалась гладко. Городу пришлось отстаивать свое право иметь собственные полицейские органы и даже обращаться в 1766 г. Сенат с просьбой сохранить это право и самостоятельно назначать на должности офицеров полиции. Сенатом просьба была удовлетворена. В результате муромское отделение полиции находилось в ведении города, но под контролем губернатора. Поскольку полиция содержалась местными властями, актуальны были финансовые проблемы, в частности, малая численность сотрудников, низкие оклады, нехватка обмундирования.

Существенные изменения в статусе полиции последовали в результате реформ Александра II. Был расширен штат сотрудников, введены новые должности, были приняты меры по улучшению материального положения офицеров полиции, а также усилены предъявляемые к ним профессиональные требования.

В Муроме преобразования начались в 1888 г. В городском отделении полиции было создано 5 старших и 23 младших городских. Муромская городская дума постановила, что каждому городскому должна быть предоставлена квартира в центре вверенного ему участка. На двери квартиры городского помещалась надпись «квартира полицейского служителя», чтобы горожане знали, куда обращаться при необходимости. В 1893 г. штат городских был увеличен на 8 должностей.

Ежегодно на содержание полиции расходовалось около 10% городского бюджета. Эти средства расходовались на зарплату сотрудникам, оплаты предоставляемых им квартир, экипировки, а также на содержание арестантских камер. В городе было создано отделение жандармов, основной обязанностью которых был контроль за «политическими настроениями» городского общества.

После революционных событий 1905 г. во многих городах России стали формироваться самостоятельные органы охраны порядка. Создание такого органа в Муроме было инициировано местным Советом народных депутатов и утверждено решение Муромской городской думы. Новый орган правопорядка получил название милиции. Таким образом, отделение милиции в Муроме стало первым во Владимирской губернии. Отделение должно было состоять из тридцати человек, половина которых должна была избираться городской думой, а вторая половина – Советом народных депутатов. К сожалению, созданное в 1905 г. в муроме отделение милиции практически сразу было расформировано приказом губернатора. Им же в город была прислана войсковая часть для поддержания порядка.

Вопрос о формировании в Муроме отделения милиции в целях охраны правопорядка вновь стал актуален после революции в феврале 1917 г., когда прекратила существовать полиция, выполнявшая ранее эти функции.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Р.Г. Панферов Некоторые вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних // Закон и право. - 2020. - №10. - С. 66-67.
3. Не детский возраст // Российская газета URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 28.02.2023).
4. Подростковая жестокость: самые громкие случаи и почему они происходят // Кубанские новости URL: <https://kubnews.ru/> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Психологическая характеристика преступлений несовершеннолетних, их профилактика. // Юридическая психология и не только URL: <http://yurpsy.com/> (дата обращения: 11.04.2022).
6. Психологическая характеристика преступлений несовершеннолетних, их профилактика. // Молодежная преступность URL: <http://lawlibrary.ru/> (дата обращения: 28.02.2023).

Шкрабо А. И.

*ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»
Российская Федерация, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45
fktgn4274@gmail.com*

Эффективные способы борьбы с коррупционными проявлениями

Актуальность темы определяется тем, что коррупция представляет собой одну из самых острых проблем нашего времени. Этот процесс наносит значительный вред на права и интересы граждан. Таким образом, противодействия с коррупцией является важным аспектом формирования порядка в обществе. Цель исследования - определить процесс формирования антикоррупционного мировоззрения и развитие у современного общества активной гражданской позиции против коррупции. Объект – коррупционные практики населения. Предмет исследования - взаимоотношения между людьми в сфере бюджета, которые приводят к проявлению коррупции. Задачи: общая характеристика коррупционных правонарушений государственных служащих; укрепление антикоррупционного мировоззрения; направления совершенствования механизмов нейтрализации и профилактики коррупции.

В теоретических разработках современных исследователей выделяют два подхода к коррупционным проявлениям – классический и современный. Как указывает Вашкевичус В.В., коррупцию рассматриваю «как индикатор общего морально–нравственного состояния общества» [1, с. 45 – 46]. Это представление сформировано в рамках классического подхода. Современный подход предполагает, что коррупция приводит к злоупотреблениям властью, подкупу, уклонению от налогов и другим преступлениям. Современное определение коррупции представляет собой правонарушение должностным положением для получения личной выгоды или выгоды для третьих лиц. Среди причин коррупции называется: низкая заработная плата государственных служащих; недостаточная очевидность и правдивость работы государственных органов. Милованова Д.П. считает, что важным подходом к борьбе с коррупцией является «законотворчество» [2, с. 5 - 7]. Одним из эффективных способов борьбы с коррупцией является обязанность лица, совершившего коррупционное преступление, возместить все убытки, вызванные его действиями. В работах Столяровой И.В. [4, с. 42 – 44] и Тарховой Я.Р. [5, с. 477 – 480] указывается о важности контроля за доходами госслужащих и лиц, занимающих руководящие должности в госкорпорациях, их имуществом и иными движениями особого характера денежных средств. Муфтахова Р.Р. считает, что предупреждение является важной мерой «противодействия коррупции» [3, с. 63 – 68].

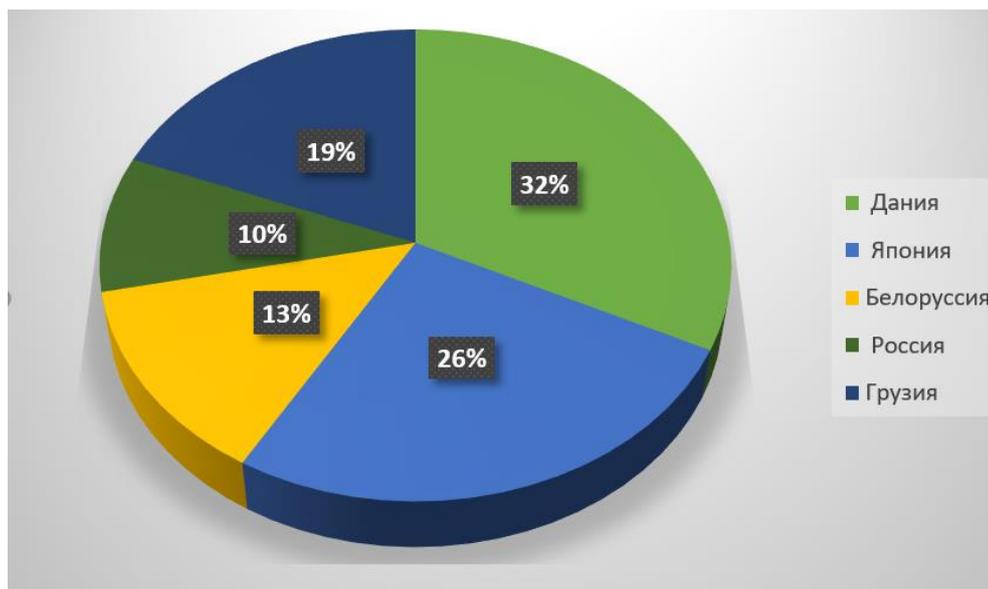

Рис. 1 – Индекс восприятия коррупции на 2024 год

Основные подходы к изучению данной проблемы включают в себя следующие аспекты: комплексное использование всех доступных антикоррупционных мер, включая участие всех сфер и ветвей власти, а также гражданских институтов; приоритетное внедрение профилактических мер, направленных на предотвращение коррупционных правонарушений до их возникновения и нанесения ущерба государству, обществу и бизнесу; сотрудничество с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами, занимающимися борьбой с коррупцией. Таким образом, можно утверждать, что универсальных способов борьбы с коррупцией нет, их выбор и особенности применения зависят от таких факторов, как свойства политической системы, уровень правовой культуры в стране, состояние гражданского общества. Необходимо в большей степени рассматривать всевозможные решения в борьбе с коррупцией. На рис. 1 представлена диаграмма индекса коррупции по странам за 2024 год. Из нее видно, что большая часть правонарушений происходит в Дании, Японии. Самое наименьшее число коррупции в Белоруссии.

Индекс коррупции в России в нынешнее время, значительно увеличился, это зависит от нестабильного положения государственных служащих. На рис. 2 показано, как менялся индекс с 2002 до 2023 годы.

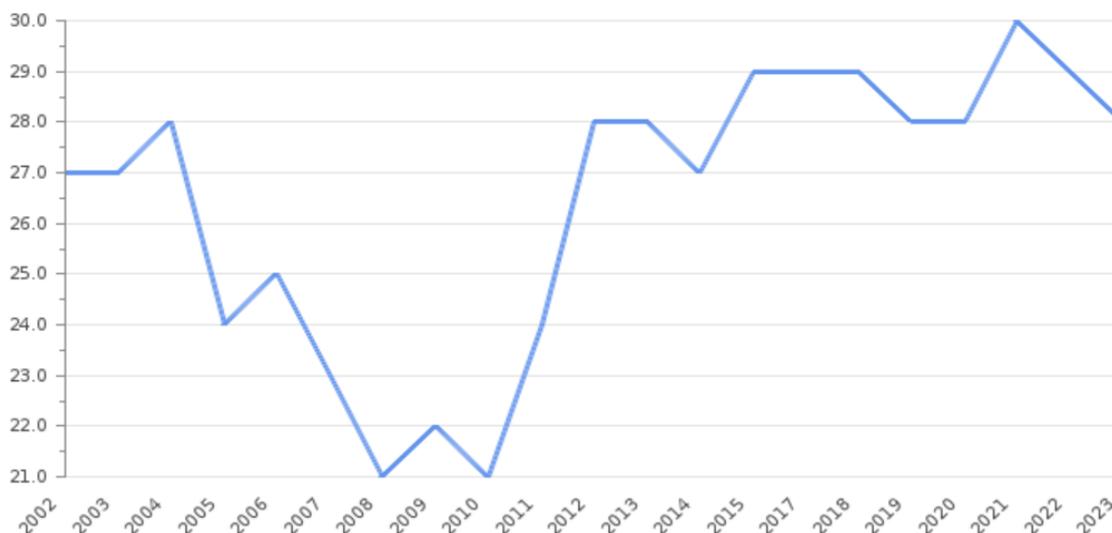

Рис.2 – Индекс коррупции России

Отечественная и международная практика показывает, что наличие антикоррупционной законодательной базы не является достаточным механизмом для эффективной борьбы с коррупцией. Важным для снижения коррупционной составляющей в социальной практике является активизация фактической реализации. В качестве рекомендации целесообразно улучшать механизмы общественного контроля за деятельностью государственных органов и чиновников, помимо этого внедрять инновационные технологии в сферу борьбы с коррупцией и повышать профессиональный уровень сотрудников государственных органов.

Литература

1. Вашкевичус В.В. Сущность коррупции и методы борьбы с коррупцией в России. Студенческий вестник. - 2020. - № 27-1 (125). - С. 45-46.
2. Милованова Д.П. Коррупция в современной России: проблемы противодействия и меры борьбы с коррупцией// Студенческий вестник. - 2023. - № 10-4 (249). - С. 5-7.
3. Муфтахов Р.Р. Понятие коррупции в российском законодательстве, основные направления противодействия коррупции// Социальное управление. Эл. приложение к научно-практическому журналу «Правопорядок: история, теория, практика». - 2022. - Т. 4. - № 1. - С. 63-68.
4. Столярова И.В. Коррупция и противодействие коррупции: проблемы правопонимания// Актуальные исследования. - 2022. - № 50-2 (129). - С. 42-44.
5. Тархова Я.Р. Понятие коррупции и противодействия коррупции// Аллея науки. - 2020. - Т. 2. - № 12 (51). - С. 477-480.